

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, т. СХХ

ПАМЯТИ
МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА
АНДРЕЕВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
по истории и филологии
народов Средней Азии



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
СТАЛИНАБАД
1960

С. М. АБРАМЗОН

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ КИРГИЗОВ ПАМИРА¹

В литературе, содержащей сведения по этнографии Восточного Памира, до сих пор отсутствуют сколько-нибудь достоверные данные об обычаях и обрядах, которыми сопровождаются вступление в брак и семейная жизнь памирских киргизов. Публикуемое краткое описание их свадебных обычаев имеет целью хотя бы частично восполнить этот пробел.

У памирских (как и у алайских) киргизов обычно при заключении браков между молодыми людьми, достигшими брачного возраста, обязательным было сватовство. Однако нередко практиковался сговор между родителями детей, находящихся еще в колыбели, или малолетних, о будущем их браке—„бешик куда“.² Обычай засватывания еще не родившихся, ожидаемых детей—„бел куда“, имевший распространение среди других групп киргизов, на Памире не бытовал.

Девушек было принято выдавать замуж в возрасте от 15 лет до 20—21 года. Брачный возраст девушек в богатых семьях был выше, так как за них запрашивали большой калым. Большинство юношей женилось в возрасте 18 лет, реже 16—17 лет.³

¹ Запись произведена во время работ Киргизской археолого-этнографической экспедиции в Алайской долине в 1955 г. от Турсунбая Токтосунова (39 лет) и его отца Токтосуна Токтоматова (76 лет)—работников животноводческой фермы „Як-совхоза“ (Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР). В записи участвовал студент Киргизского госуниверситета Джолдошбек Керимкулов. Рассказчики уроженцы Мургабского района ГБАО (местность Сейне-Остон Ранг-Кульского сельсовета) относят себя к группе теит (подразделение нооруз). Описываемые свадебные обычаи в целом бытовали в конце XIX и в начале XX вв., но многие из них и позднее продолжали (а отчасти и сейчас продолжают) сохраняться в быту памирских киргизов.

² У киргизов соседнего Синьцзяна помолвка происходила, когда дети достигали семилетнего возраста (Скрайн, Китайский Туркестан, М., 1930, стр. 101—102).

³ У кашгарских киргизов в Синьцзяне раньше считали девушку совершеннолетней и выдавали ее замуж, когда ей исполнялось 18—20 лет; жених в большинстве случаев должен был достигнуть 20—22 лет. Позднее было принято выдавать девушек и в 14—15 лет, а юношей, если у них родители были богатые, женили в 12—15 лет. Запись сделана в 1947 г. от Темира Баймамбетова, уроженца Синьцзяна, местность Бөрү-Токой, принадлежащего к группе теит, подразделению чал-теит. В дальнейшем, с его слов, отмечаются особенности свадебных обычаев киргизов южного Синьцзяна, относящиеся главным образом к группе теит. Скрайн (указ. соч.) отмечает брачный возраст для девушек 14 лет, для юношей—15—16 лет.

В качестве сватов—„жуучу“ посылали двух стариков; отец жениха в сватовстве участия не принимал.¹ Приехав к отцу невесты, сваты начинали переговоры, в которых значительное место уделялось характеристике жениха и его родителей. Если отец девушки давал согласие, сваты делали ему поклон—„кулдук урат“. После этого он не имел права нарушить данное им слово. Следовавшее за тем угощение для сватов (о нем говорили „туз татты“—„вкусали соль“) считалось актом, равносильным клятве обеих сторон. Во время угощения происходили переговоры о калыме. Отец невесты предъявлял свои требования, сваты торговались, и, наконец, достигалась договоренность о размерах калыма. Размеры приданого—„жабдык“ не обуславливались.²

Исчисление калыма велось прежде на слитки серебра—„жамбы“,³ широко распространенную в прошлом на территории Синьцзяна единицу ценности. Один жамбы равнялся в среднем 15 головам скота (овец, яков, верблюдов и лошадей). Самые богатые уплачивали калым скотом в количестве, равном 10—15 жамбы, средний размер калыма равнялся 5—8 жамбы, самый меньший—3—5 жамбы. Если бедняк имел всего лишь одну лошадь, то остальной скот, необходимый для уплаты калыма, добавляли родственники. Кроме скота, богатые кочевники платили и слитки серебра—жамбы (различались большие—„кулактуу жамбы“ и малые—„чочмөрö жамбы“)⁴.

Калым выплачивался обычно в течение 5—6 месяцев. Отец невесты сам приезжал за калымом (у кашгарских киргизов калым доставляли, когда жених ехал в дом невесты на свадебный пир). Уезжая, он приглашал к себе отца жениха. Когда последний приезжал со своими родственниками, отец невесты одаривал их одеждой („сарпай“, тадж. „сару по“). Давалась верхняя одежда из хлопчатобумажной ткани—„кашкар чепкен“, из сукна—„мөбтү чепкен“, шубы на лисьем—„тулку ичик“ или на волчьем—„бөрү ичик“ меху, рубахи и т. д.

После уплаты калыма отец жениха посылал к отцу невесты двух человек, чтобы узнать, когда можно приезжать за девушкой (они просят дать ответ—„жооп сурайт“). С ними отправлялось в подарок какое-нибудь животное, например, лошадь. Отец невесты преподносил им ответный подарок в виде одежды и назначал день свадьбы. Счастливым днем для свадьбы считается суббота—„ишемби“, несчастливыми—пятница—„жума“ и вторник—„шейшемби“.

Как и среди многих других групп киргизов, среди киргизов Памира также практиковались тайные встречи жениха и невесты (их называют „күйбө келди“, т. е. „жених приехал“). Они становились возможными после уплаты калыма. Жених приезжал вечером в аил невесты тайком, без провожатых, с подарками для невесты (платок,

¹ У теитов Синьцзяна отец ехал сватать сам в сопровождении нескольких друзей.

² У синьцзянских теитов размеры калыма были предметом обсуждения во время специальной поездки, предпринимавшейся отцом и матерью жениха через полмесяца или месяц после сватовства. Тогда же устанавливался день свадебного пира. Каждая сторона выделяла для переговоров двух человек (их называли „калыс“, т. е. беспристрастный, лично не заинтересованный человек, или „вакиль“, т. е. поверенный).

³ От кит. „юаньбао“—весовое серебро, служащее денежной единицей.

⁴ По Свен Гедину, в припамирских странах «богатые киргизы платят по 10—12 ямб (1 китайская ямба стоит 80—90 рублей), бедные пару лошадей или яков» (В сердце Азии. Памир—Тибет—Восточный Туркестан, т. I, СПб., 1899, стр. 311). Крайне указывает, что калым составляет от 10 и до 30 яков или другого скота в соответствующих размерах (указ. соч., стр. 101).

украшения и др.). Он останавливался у „женге“—жены одного из братьев невесты или братьев ее отца. Ночью он проникал в юрту, в которой спала невеста. Перед этим дженге относил невесте подарки и предупреждала ее о приходе жениха. Повидавшись с невестой, жених уходил. О его посещении обычно была осведомлена мать невесты, отец об этом не должен был знать. Такие посещения невесты неоднократно повторялись.¹

Накануне поездки за невестой и свадебного пира каждая сторона устраивала для своих родственников угощение, называемое „кенгешме“ (совещание). Здесь советовались о том, кто из родственников и какую окажет помощь в устройстве свадебного пира, кто и каких гостей будет принимать, и т. д.²

Вслед за кенгешме, в доме отца невесты (но за счет родителей жениха) устраивалось небольшое торжество, называемое „пата той“.³ Кроме угощения, сторона жениха обязана была выполнить один из трех следующих обычаев.

1) „Ша-улак“ (произносят „шавулак“). Устраивались конские скачки с козлом (козлодранье). Для победителя устанавливался приз— „пайге“ в виде яка или другого крупного животного. Для состязания, в котором участвовали группы мужчин со стороны жениха и невесты, закалывали двухлетнего козла— „серке“. Если группе со стороны жениха удавалось бросить козла к условленному месту, возле юрты невесты, бросивший должен был поцеловать одного из родственников невесты (безразлично—женщину или мужчину). В таком случае приз уплачивала сторона невесты. Если группе со стороны невесты удавалось не допустить того, чтобы козла бросили возле юрты невесты, эта группа считалась победительницей. Тогда группа со стороны жениха вынуждена была бросить козла к другой юрте и сторона жениха, как побежденная, уплачивала пайге.

2) „Ун чачуу“ (рассыпание муки). Приезжавшие в аил невесты родители и родственники жениха обсыпали родственников невесты мукой или отрубями. Последние отвечали тем же. Та сторона, которой это удавалось сделать лучше, признавалась победительницей, а побежденные отдавали ей пайге.⁴

¹ У кашгарских киргизов добрачные свидания жениха и невесты— „уй жаны“ имели место в тех случаях, когда молодые люди были помолвлены еще в детстве, но до свадьбы было далеко, а юноша уже проявлял интерес к своей невесте. Обычно же такие свидания могли происходить после того, как была достигнута договоренность о размерах калыма и о сроке устройства свадебного пира. Они не имели широкого распространения.

² У кашгарских киргизов устраивается собрание родственников, сопровождаемое угощением и называемое „чачыла той“. Оно аналогично памирскому кенгешме. На чачыла той пригоняют скот в качестве помощи отцу жениха для уплаты калыма— „кошумча“, отец жениха приглашает близких родственников и свойственников; чачыла той предшествует переговорам о размерах калыма.

³ Кирг. „пата“ (бата)—благословение, помолвка. Это торжество соответствует таджикскому обычаю помолвки— „туи фотиха“. Оно не отмечено пока у северных групп киргизов; у киргизов же современной Ошской области (группы адигине и мунгуш) еще до устройства так называемого „начального пира“— „башкы той“ и установления размеров калыма отец жениха отправляется к родителям невесты, чтобы „дать благословение“— „пата бергенге“. Его сопровождали родственники и друзья; это также носило характер помолвки.

⁴ У кашгарских киргизов также существует обычай обсыпания мукой, но он имеет место во время поездки для помолвки малолетних детей. У родителей мальчика бывает завязано в кушаках по несколько горстей муки. Когда они, приехав в аил отца девочки, слезают с лошадей, то, развязав кушаки, обсыпают— „чачышат“ мукой свата— „куда“ и сватью— „кудагый“. Те в свою очередь выносят муку, насыпанную в деревянные блюда— „табак“ и обсыпают гостей. Обсыпав таким образом друг друга, сваты здороваются и входят в юрту. Войдя, отряхиваются и затем садятся.

3) „Аш алды“ (пищу получили). Родственники жениха резали овцу, варили мясо и тайно посылали человека к юрте отца невесты с той целью, чтобы он подбросил в эту юрту кость с мясом (любую). Об этом моменте никто заранее не должен был знать. Однако предвидя такую возможность, сторона невесты принимала все меры к охране юрты. Особенно тщательно охранялось дымоходное отверстие—„тюдюк“, через которое могли забросить пищу. Если это удавалось сделать, сторона жениха считалась победительницей и награждалась призом. Если же сторона невесты во время узнавала о подготовке этого акта и не допускала его осуществления, то победа присуждалась ей и пайге получала она. До выполнения обычая „аш алды“ происходило „распарывание переметных сум“—„куржун согуу“. Курджуны с вареным мясом зарезанной для этой цели овцы привозили родственники жениха. Мать невесты или какая-либо другая ее родственница должна была распороть швы зашитых курджунов.

Следует отметить, что, по словам информаторов, у киргизов, живущих в западной части Алайской долины (современный Чон-Алайский район Ошской области Киргизской ССР), подобные обычаи отсутствовали; они были характерны только для киргизов Памира.

Наступал день свадебного пира—„зор той“ или „катта той“ (т. е. большой пир), который устраивали в аиле невесты. Сюда направлялись родители жениха с их родственниками—молодыми и старыми. Они гнали с собой до 10—15 овец, предназначенных на убой для угощения во время пира—„тойго сою турган койлор“, везли заранее заготовленное печенье—„боорсок“, мелкие деньги и вещи, которые потом разбрасывали среди присутствующих. Жених со своими друзьями—„күйбө жолдош“ ехал отдельно.¹ Приезжали обычно в полдень—„туштө“. Приехавших сватов помещали в главной юрте—„башкы үй“, а жениха со спутниками—в отдельной юрте, освобожденной для этой цели. Ее называли „örgөб“—„свадебная юрта“. Сюда в подарок жениху приносили большие деревянные блюда, на которые были положены мясо, плов, слоеные лепешки—„каттама“, тонкие лепешки—„чаваты“ (ср. тадж. „чапоти“), „боорсок“. Одно блюдо было от матери невесты—„кайнэне табак“, другое от старшей сестры невесты—„кайнэже табак“, третье от младшей ее сестры—„балдыз табак“, далее следовали блюда от жен братьев невесты—„женге табак“, а всего несли девять блюд—„тогуз табак“ с различными кушаньями. В ответ на угощение жених должен был положить на каждое блюдо некоторую сумму денег. Одновременно устраивалось угощение для всех остальных гостей.²

В начале свадебных торжеств происходили смотрины жениха и невесты—„күйбө көрүү“ и „кыз көрүү“. Жениха смотрела мать невесты, невесту—мать жениха. Каждая из них давала в подарок какую-нибудь вещь (например, верхнюю одежду—„чапан“). За этим следовал обряд, носивший название „отко киргизүү“ (букв. „введение

¹ У киргизов южного Синьцзяна жених с двумя товарищами—„күйбө койчу“ не ехал в аил невесты, а останавливался в ближайшем аиле и ожидал приглашения. Сюда приходили дженге невесты и приносили с собой угощение, состоящее из сладостей—„дастаркан“. Жених должен был встать и поклониться им. Затем они совместно угощались. Дженге дарили всем платки.

² По обычаю кашгарских киргизов, после переодевания жениха (см. ниже) он и его спутники садятся и каждая дженге преподносит им угощение: боорсок, урюк и другие сладости. Приняв угощение, спутники жениха кладут его в свои курджуны, а возвращая пустые блюда, они кладут в них деньги. Этот обычай носит название „дастаркан салыш“—«выставление дастархана».

в огонь“).¹ Отец невесты приглашал жениха вместе с его друзьями к себе в юрту. Устраивалось угощение, для которого специально закалывали овцу. После этого обряда прекращалось обязательное до того избегание женихом отца невесты (избегание женихом матери невесты прекращалось после куйбб кбруу).

В то же время кто-нибудь из родственников невесты похищал одно животное из числа пригнанных отцом жениха. Его закалывали и съедали.² Обычай этот называли „мал кармап жечу“.

Потом выполнялся мусульманский обряд бракосочетания—„никб кыюу“³. В нем участвовали свидетели—„губб“ со стороны жениха и невесты. В чашку с водой клали два кусочка хлеба. После прочтения молитвы жених и невеста должны были отпить воды из чашки и съесть хлеб.

В первый же день свадебного тоя происходил имевший магическое значение обряд „связывания“ невесты и жениха—„кыз куйбб тануу“. Их ставили рядом друг с другом возле юрты. Лицо невесты было закрыто платком. Связывали молодых—„женгелер“ платком. После связывания жених и невеста старались наступить друг другу на ноги. Считалось, что тот, кто наступит раньше, будет первенствовать в семейной жизни. Затем те же женщины их развязывали и отец жениха дарил им за это одну овцу.

Далее отец невесты дарил жениху комплект одежды—„сарпай“, в который входили чапан, ичиги с калошами—„кайыш-масты“, штаны и рубаха—„иштан-көйнөк“, тибетейка—„такия“, платок и др. Тут же, в присутствии гостей, жених надевал новую одежду, а старую отдавал молодым. Этот обычай называли „куйбб тоноо“ (оголение жениха).

Одним из самых популярных обычаев первого дня свадьбы считались игры молодежи—„кыз оюн“, устраивавшиеся после конских состязаний с козлом—„улак“. В юрту собирались юноши и девушки, молодые мужчины и женщины. По одну сторону рассаживались мужчины, по другую женщины. Из числа мужчин выбирался распорядитель игр—„казы“. Одна из молодых женщин—„келин“ брала платок (его называли „товотмек“) и клала его на плечо тому из мужчин, который ей нравился. Он должен был что-нибудь спеть. Спев, он обращался к казы и спрашивал, сколько стоит его работа—„кызмат канча“. Тот назначал количество ударов, и исполнивший песню легко ударял женщину, давшую ему платок, назначенное число раз. Затем платок брала другая женщина или девушка. Платок брали не по очереди, а по желанию. Если мужчина не мог спеть, женщина снимала с него головной убор и надевала ему на голову платок, и он, опозоренный, уходил.⁴

¹ По сведениям, полученным от Ю. А. Шибаевой, в течение свадебного тоя невеста сидела за занавеской (көшөгө).

² Аналогичный обычай существует и у кашгарских киргизов, но только в отношениях между семьями, помолвившими своих малолетних детей. Ежегодно, при кочевке аила отца мальчика поблизости от аила отца девочки, родственники отца девочки могут выйти и поймать какое-нибудь животное из принадлежащего отцу мальчика скота: лошадь, корову или овцу. Отец мальчика не может высказывать по этому поводу никаких претензий. Он лишь просит потом обменять лошадь или корову на овцу. Ловят скот обычно женщины. Овцу режут, и весь аил угощается мясом.

³ По сообщению Ю. А. Шибаевой, этот обряд совершался после окончания свадебного пира—„катта той“.

⁴ В некоторых местностях южного Синьцзяна (например Тойун, Кызыл-ой и др.) такие игры молодежи устраивались, но среди теитов в местности Бөрү-Токой они не были приняты.

На второй день свадебного пира, кроме обычных угощений, происходило „смотрение приданого“—„жүк көрүү“. Мать девушки готовила все предназначенные для приданого вещи. Осмотр приданого производила мать жениха, которая должна была сделать за это какой-либо подарок (чапан, деньги и др.).

К вечеру молодухи стелили для новобрачных постель в юрте, где помещался жених. Складывали все тюфяки—„төшөк“ и одеяла, подготовленные в приданое девушке. Затем укладывали жениха и невесту. Каждого из них раздевала своя дженге. Эти же дженге оставались спать в этой юрте; в их задачу входило наблюдать за происходящим. На утро отца жениха должны были известить о целомудрии девушки. Если она оказывалась невинной, отец жениха давал дженге подарок.

На третий день свадебных торжеств молодой с товарищами и все его родственники уезжали домой. Молодая оставалась в доме родителей и жила там один—полтора месяца. Муж при желании имел право открыто навещать ее¹. По истечении указанного срока новобрачную отвозили к мужу ее мать, старший брат и одна из дженге. Перед отъездом устраивалось угощение—„кәләк тойу“, для которого закалывали овцу. Старухи-родственницы заплетали молодухе волосы в две косы и надевали на нее женский головной убор—„кәләк“, характерной для памирских и алайских киргизов формы.² Затем молодуха прощалась с матерью, со своими сестрами и дженге. Каждая из них садилась рядом с молодухой, они обнимали друг друга и плакали, исполняя при этом трогательные песни-причитания—„дүрбө“ (среди других групп киргизов их называют „кошок“).

Во время переезда в дом мужа лицо молодухи завешивали покрывалом—„чүмкөт“, которое набрасывали поверх головного убора. На некотором расстоянии от дома мужа молодуха слезала с лошади и оставалась с одной дженге. Остальные сопровождавшие ее лица уезжали вперед. К молодухе подходила мать мужа и его дженге. Они угощали ее принесенной с собой пищей, которую она должна была отведать. Это было первое угощение молодухи—„келин оозандыруу“. Один из спутников молодухи отправлялся к отцу мужа. От имени невесты он просил выделить ей долю имущества—„киш таяк“ (у других групп киргизов ее называют „энчи“). Отец мужа обычно отвечал: „Даю теленка яка, ягненка, верблюжонка, теленка, жеребенка“—(„Котоздон-торпок, койдон-козу, төддөн-тайлак, уйдан-музоо, жылкыдан-кулун беремин“). Посланный возвращался и передавал молодухе слова свекра. После этого она шла в сопровождении дженге к юрте отца мужа.

Когда она подходила вплотную к юрте, перед нею открывали дверь. В этот момент один из родственников мужа, приблизившись к ней, снимал с нее покрывало и забирал его себе. Вошедшую в юрту молодуху—„келин“ сажали за занавеску—„көшбөгө“ на разостланный здесь тонкий тюфяк—„төшөк“.

В этот же день устраивали обряд „введения в огонь“—„отко киргизүү“, символизировавший приобщение молодухи к роду мужа и к его домашнему очагу. Свекровь давала ей в руки кусок жира, и она должна была бросить жир в огонь горевшего костра. При этом

¹ У кашгарских киргизов новобрачная жила после свадьбы в доме родителей более продолжительное время: по Скрайну, от 2 до 5 месяцев (указ. соч., стр. 101—102), по словам Т. Баймамбетова, в течение 5—6 и более месяцев.

² Ю. А. Шибаяева, Материалы по одежде мургабских киргизов, Кратк. сообщ. Инст. этнографии АН СССР, в. XXV, 1956, стр. 37—40.

присутствовал и свекор. Далее келин полагалось выполнить обычай „чѳмўч булгар“ (вращение половника). Варили плов. Келин давали в руки деревянный половник, и она размешивала им плов, а затем накладывала немного себе в чашку — „кӱсӱ“ и уходила снова за занавеску. Присутствовавшие угощались пловом. Этот обычай символизировал испытание хозяйственных способностей келин.

В заключение происходил праздник в честь молодухи — „келин-той“, на который созывались гости из числа родственников мужа.

Избегание свекра и старших родственников мужа продолжалось до одного-полутора месяцев. Затем каждый из них делал ей какой-нибудь подарок (например, платье) и давал разрешение прекратить избегание.¹

Через два-три года келин в сопровождении мужа отправлялась навестить своих родителей и родственников — „тѳркўн“. Погостив несколько дней, она уезжала. Перед отъездом отец выделял ей „долю“ — давал что-нибудь из скота.

* * *

Анализ свадебных обычаев памирских киргизов показывает, что в основных своих чертах они представляют собой один из вариантов общекиргизского свадебного церемониала.² Наибольшую близость свадебные обычаи памирских киргизов обнаруживают с обычаями киргизов южного Синьцзяна (отмеченные выше расхождения касаются отдельных обычаев или их деталей) и с обычаями киргизов Алайской долины.³

Близкое соседство с таджикским населением Припамирья и Кара-тегина не могло не привести к тому, что ряд свадебных обычаев памирских киргизов имеет близкие аналогии в таджикских свадебных обычаях. Это относится, в частности, к обычаям обысания мукой, одевания жениха в новую одежду, открывания лица молодой, совершения обряда бракосочетания и др.⁴

¹ У кашгарских киргизов избегание свекра продолжается в течение полугода, а иногда и целого года.

² Об этом можно судить по имеющимся в нашем распоряжении неопубликованным записям свадебных обычаев киргизов Прииссыккулья, Тянь-Шаня, Чуйской долины и других местностей Киргизской ССР.

³ Н. Корженевский, Киргизская свадьба, „Туркестанские ведомости“, 1913, № 41.

⁴ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), в. 1, Тр. АН Таджикской ССР, т. VII, Сталинабад, 1953, стр. 133, 145, 159, 173; А. А. Бобринской, Горцы верховьев Пянджа, М., 1908, стр. 90, 92—94.

Отметим, что обычай помощи родственников в уплате калыма (см. выше) носит у памирских киргизов то же название, что и у таджиков Вахиё-Боло (кирг. „асал“ тадж. „osol“). Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М.—Л., 1936, стр. 69.